

ОБ УРОВНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОСТРОГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЭРМАНАРИХА

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 июня 2013 г.

Аннотация: в статье определяется уровень экономического развития Остроготского королевства Эрманариха в IV в. путем сопоставления результатов анализа нарративных источников и памятников черняховской культуры на Юге Восточной Европы. Его экономический базис составляло пашенное земледелие, обусловившее демографический взрыв IV в. Наличие многочисленных специализированных мастерских свидетельствует о зарождении товарного производства, что согласуется с лингвистическим материалом Готской Библии.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, черняховская культура, готы, экономика, IV в., королевство Эрманариха.

Abstract: the article defines the level of economic development of Ermanaric's Ostrogothic kingdom in 4th century AD by means of comparative analysis of narrative sources and sites of Chernyakhov culture in the South of Eastern Europe. Its economy was based on plow agriculture, which determined a demographic explosion of the 4th century. The presence of numerous specialized workshops is indicative of forming commodity production, which is in agreement with linguistic material of the Gothic Bible.

Key words: Northern Black Sea Region, Chernyakhov culture, Goths, economics, 4th century AD, Ermanaric's Kingdom.

Исследование процесса становления ранней государственности относится к числу проблем, наиболее активно разрабатываемых в современной исторической науке [1, с. 7–12]. Важнейшей предпосылкой и непременным условием ее возникновения является определенный уровень социально-экономического развития, достигнутый тем или иным обществом ко времени возникновения государства. В статье предпринимается попытка исследовать экономическое состояние королевства Эрманариха в IV в. путем сопоставления результатов анализа нарративных источников и памятников черняховской культуры на Юге Восточной Европы. У большинства российских и украинских археологов к концу XX в. утверждается мнение о принадлежности черняховской культуры общеевропейскому горизонту культур позднеимперского времени ступеней C и D₁ (примерно 230–375 гг.). Хронологически и территориально ее расцвет на ступени C₃ соответствует культуре полиэтничного образования, известного в письменных источниках как Остроготское королевство Эрманариха. По известным историческим аналогиям черняховскую культуру на ступени C₃ можно рассматривать как «государственную культуру» королевства Эрманариха 333–375 гг.

В свете концепций современной исторической политологии черняховская культура между Доном и Днестром могла быть оставлена лишь крупномасштабным обществом, каким, видимо, и было полиэтничное образование, известное в исторических источниках как *regnum* Эрманариха [2, с. 13–35]. По данным археологии, на обширной территории, занятой памятниками черняховского типа, с конца III в. происходили сложные процессы распространения вещей единого стиля, важных культурных инноваций, обмена опытом с населением римских провинций и т. п. [3]. На наш взгляд, многочисленные данные современной археологии позволяют объективно оценить уровень экономического развития, который был достигнут остроготским социумом еще на Юге Восточной Европы.

По единодушному мнению специалистов, основой экономики черняховской культуры была весьма продуктивная система пашенного земледелия. Здесь уместно напомнить, что в начале второй четверти I тысячелетия в Восточной Европе для занятия земледелием сложились благоприятные природно-климатические условия. Практически весь черняховский ареал находился в зоне лесостепных и степных черноземов, а ее северная граница совпадала с границей между черноземными и лесными почвами. Тесные экономические и культурные связи с римскими про-

винциями в немалой степени предопределили высокий уровень черняховской агрикультуры [4, с. 89]. Еще раз обратим внимание на некоторые весьма существенные инновации в сельскохозяйственном производстве, которые обусловили взлет черняховской экономики в IV в.

С данной эпохой связано первое массовое использование в Восточной Европе железных наконечников для упряжных пахотных орудий типа рала [5, с. 106]. Об этом прямо свидетельствуют находки узко- и широколопастных наральников и плужных ножей – чересел. Они были составной частью рала с полозом – орудия, способного подрезать дернину и частично разламывать ее. Возможно, использовались не только легкие, но и тяжелые плуги, позволяющие переворачивать верхние пласты почвы [6, с. 3–11]. Весьма показательны, что на некоторых сосудах имеются изображения коня или вола, запряженного в плуг (Черепин, Ромашки) [7, с. 183–184]. Судя по остеологическому материалу, в плуг запрягались в основном волы или быки.

Следует указать на то, что земледелие черняховской культуры резко отличалось от довольно примитивного подсечного хозяйства как ее предшественников – носителей зарубинецкой культуры, так и современников, населявших более северные лесные районы. Набор черняховских сельскохозяйственных культур более разнообразен, чем в зарубинецкой культуре. В лесостепи в III–IV вв. выращивали зерновые, в первую очередь, пшеницу разных сортов, ячмень, просо, рожь, гречиху, овес, а также бобовые (горох, чечевицу) и технические (лен, конопля) культуры. Отметим, что по сравнению с синхронной агрикультурой в Свободной Германии, где преобладал ячмень (до 40 %), а доля пшеницы была близка просу (15 %) [8, S. 101–104, Abb. 17], ассортимент зерновых, встреченных на черняховских поселениях, выглядит более совершенным. Так, на поселении Войтенки-1 палеоботанический спектр выглядел следующим образом: пшеница пленчатая – 24,6 %, пшеница голозерная – 22,5 %, ячмень пленчатый – 21,5 %, рожь – 12,9 %, просо – 12,2 %, овес – 6,4 % [9, с. 315, рис. 6].

Земледельцы убрали урожай не только обычными серпами, но и железными косами длиной до 50 см. Напомним, что косы в значительном числе впервые появляются в Восточной Европе именно в черняховском ареале. Так, в составе только одногоклада из могильника Чернилив – Русский насчитывались девять серпов и четыре косы. Черняховские поселения демонстрируют довольно высокую культуру хранения зерна. Его ссыпали в ямы, нижняя часть которых была специально обожжена, при этом они могли вместить до пяти тонн зерна. Зерно хранили также в специальных больших сосудах-зерновиках. Находки на многих поселениях ям с зерном и

сосудов-зерновиков свидетельствуют об изобилии хлеба [10, с. 126–127].

Важным нововведением для переработки зерна стало использование черняховскими земледельцами ручной мельницы с каменными ротационными жерновами. Весьма показательны, что последние воспроизводят форму и конструкцию солдатских походных жерновов, хорошо известных по находкам в лагерях римского лимеса [3, с. 167; 11, с. 101–112]. Установлено, что производительность таких жерновов в три–четыре раза превышала размол зерна на традиционных каменных зернотерках [12, с. 106]. Археологи нашли не только каменные детали отдельных жерновов, но также остатки целых мукомолен (Иванковцы, Синицивка-Сабатиновка) [13, с. 238–244]. Их открытие указывает на возросшее значение выпеченного хлеба (гот. *hlaifs*) в рационе питания носителей черняховской культуры по сравнению с населением предшествующего времени.

Сравнивая сведения о земледелии у населения черняховской культуры с данными о позднеантичном земледелии в Северном Причерноморье, Э. А. Рикман пришел к заключению, что по составу злаков (пшеница, просо и ячмень), орудиям труда, способам сохранения урожая уровень земледелия был примерно одинаковым [10, с. 141]. По оценке других специалистов, техника черняховского земледелия и технология переработки его продукции практически существенно не отличались от агрикультуры дунайских римских провинций Паннонии, Мезии и Дакии, откуда вывозилось зерно [14, с. 146–160; 15, S. 23–65]. Некоторые исследователи даже допускают экспорт зерна в Римскую империю [16, с. 40].

Помимо археологии ценные данные по агрикультуре готов дает лексика Готской Библии. А. Р. Корсунский и Р. Гюнтер справедливо отметили, что при переводе Библии на готский язык Вульфила не нуждался в использовании греческих терминов для обозначения важнейших понятий, относящихся к земледелию и садоводству, так как соответствующие слова уже имелись в готской лексике [17, с. 33]. Приведем некоторые из них: поле (*hugs*); пашня (*akrs*); пахать (*arjan*); сеять (*saian*); собирать урожай (*huhjan*); резать/жать (*sneiþan*); жатва (*asans*); молот (*malan*); плуг, соха (*hoha*); серп (*gilþa*); пшеница (*haiteis*); зерно (*kaurno*); хлеб (*hlaifs*); мельница с ослом (*asiluqairnus*); виноград (*weinabasi*); виноградник (*weinagards*), сад (*aurtigards*), садовник (*aurtja*). В этимологическом словаре готского языка З. Фейста есть и готское слово *haiþi* (др.-исл. *heidr*, днв. *heida*) «невозделанное поле» [18]. Судя по наличию различных терминов для обозначения возделанного поля (*hugs*), невозделанного поля (*haiþi*), пашни (*akrs*), система земледелия у готов, по-видимому, была двухпольной. Такой же она оставалась и в более поздних

варварских королевствах готов в V–VII вв. [19, с. 40].

Для современников готы – это прежде всего земледельцы. Оставляя под натиском гуннов территорию на юге Восточной Европы, готы искали земли, пригодные для возделывания. Имперские власти, предоставляя готам места для поселения, предполагали, что они будут земледельцами. Так, Аммиан Марцеллин пишет: «Первыми были приняты Алавив и Фриттигерн, император приказал выдать им пока провиант и предоставить земли для обработки» (XXX.4.8).

Основным источником для изучения животноводства черняховской культуры является анализ массовых костных остатков из культурного слоя, жилищ и хозяйственных ям поселений. Он показал, что в разных природно-климатических зонах скотоводство имело свои особенности. В южных степных районах эта отрасль сельского хозяйства, естественно, была развита сильнее, чем в лесостепи. Так, в Северном Причерноморье большая роль традиционно отводилась коневодству. Кони были скорее символами богатства, они еще мало использовались как в обработке земли, так и в военном деле. В Правобережной Украине доминировали разведение крупного рогатого скота и свиноводство. В целом по остеологическим материалам лесостепных поселений отмечено преобладание в стаде домашнего быка или крупного рогатого скота (35–40 %) [20, с. 70–71]. Половой состав стада домашнего быка указывает на молочное направление скотоводства [21, с. 397–398]. Потом идет мелкий рогатый скот (овцы и козы) (25–30 %), затем свиньи (15–20 %) и лошади (10 %) [20, с. 70–71]. Причем свиней продолжали разводить даже на самых южных степных поселениях. При этом доля свиней в поголовье особенно заметно увеличивается на памятниках с ярко выраженной вельбарской традицией (Коблево и др.).

Близкое соотношение домашних животных было в стаде населения зарубинецкой культуры [22, с. 173]. Не менее интересно сравнить эти данные с составом стада у населения Свободной Германии поздне римского времени [23, S. 107–115]. Здесь также преобладало разведение крупного рогатого скота, но на втором месте у них шли свиньи (20–30 %), причем значение свиноводства возросло в эпоху Великого переселения народов, на третьем месте – мелкий рогатый скот, четвертое место занимали лошади (5–15 %). Безусловно, черняховское животноводство носило оседлый, придомный характер, на что прямо указывает высокий удельный вес свиньи – животного, не способного к длительным перегонам [4, с. 370]. Еще более важным археологическим свидетельством именно такого типа скотоводства являются «длинные» дома. Кроме помещения с очагом для жилья они имели вторую половину, где часто находились хлев и стойла для скота.

Об уровне развития скотоводства у готов свидетельствует весьма развитая животноводческая лексика: выгон/невозделанное поле (*haiþi*), пастбище (*winja*); скот/богатство (*faihu*); стадо (*hairda*); свинья (*swein*); бык (*auhsa*); коза (*gaitis*); жеребенок (*fula*); стадо овец (*awepi*); овчарня (*awistr*); плетень/загон для скота (*garda*); собака (*hunds*); петух (*hana*); молоко (*miluks*); сено (*hawi*); пастух (*hairdeis*); мясник (*skilja*). Среди материальных ценностей готов эпическая традиция ставит скот на второе место после золота (*Hlödskvida*, 10). Помимо домашних животных держали также кур, гусей, уток, что полностью соответствует видовому составу домашней птицы у германцев [23, S. 116]. Как и у последних, кости птицы и яичная скорлупа являются нередкой находкой и в черняховских погребениях.

Судя по остеологическому материалу, продукция охоты не играла заметной роли в системе питания черняховского населения. На поселениях Правобережной Украины к диким животным относят не более 3,5 % определенных по костным остаткам особей животных [4, с. 90]. На памятниках Среднего Днестра дикие млекопитающие составляли до 13 %. Очевидно, при развитом животноводстве, дававшем людям всё необходимое, особой потребности гоняться за дичью не было [21, с. 401].

Заметим, что такая же картина наблюдается в соотношении скотоводства и охоты у населения Свободной Германии – в слоях германских поселений поздне римского времени находки костей диких животных составляют от 1–2 % до 10 % [23, S. 119]. Для сравнения следует напомнить, что в Восточной Европе столь низкий уровень значения охоты не зафиксирован вплоть до времени позднего Средневековья [5, с. 93]. Кажется, этому можно найти объяснение в античных источниках. По свидетельствам римских авторов, у древних германцев охотой занимались преимущественно дружинники, заполняя досуг между войнами (Caesar, IV.1; Tacitus, 15). Она была одним из проявлений их праздного образа жизни, а не представляла собой способа добывания средств к существованию [24, с. 47].

Сравнение археологических данных о сельском хозяйстве населения черняховской культуры с синхронными германскими материалами показывает их существенное различие. Если в жизни германцев к северу от римского лимеса важную, а в ряде областей определяющую роль играло скотоводство [8, S. 106], то основой экономики черняховского общества, несомненно, было весьма развитое хлебопашество. Не в последнюю очередь это было обусловлено особенностями природных условий юга Восточной Европы с ее плодородными черноземными почвами и соседством с дунайскими провинциями Римской империи, где уже несколько веков развивалась весьма продуктивная римская агрикультура.

По ряду базовых показателей, особенно в земледелии, носители черняховской культуры не только не уступали другим народам центральноевропейского Барбарикума, но кое в чем даже их превосходили. По уровню агрикультуры они превосходили и последующее восточнославянское население украинской лесостепи вплоть до времени образования Древнерусского государства. Именно высокопродуктивное сельское хозяйство было той производственной базой, которая обеспечила относительное экономическое процветание черняховского населения, а также настоящий демографический взрыв IV в. По оценке современных ученых, плотность населения тогда составляла не менее 10 чел./ кв. км [25, с. 17–27; 26, с. 38–41]. Для сравнения укажем, что плотность населения Южной Руси к XII в. не превышала 6 чел./ кв. км. По подсчетам В. И. Довженка, на среднестатистическую семью приходилось 10–12 га ежегодной запашки [27, с. 183–186]. Для аграрного общества, каким было черняховское, эта цифра, очевидно, отражает критическое состояние этноса в сфере народонаселения. Судя по огромному количеству поселений, фонд свободных пахотных земель был уже исчерпан. Дальнейший рост населения обуславливал, с одной стороны, неизбежное в такой ситуации обезземеливание части семей, а с другой – уход избыточного населения на сторону [28, с. 7]. На наш взгляд, последнее явление во многом объясняет многочисленность варваров, покинувших причерноморскую родину в результате гуннского натиска. Переправившихся через Дунай в 376 г. готов было так много, что, по свидетельству Аммиана Марцеллина, организаторы переправы безуспешно пытались определить число переселенцев (Amm. Marc., XXXI.4.2). Евнапий указывает, что только способных к войне насчитывалось 200 000 (Eunap., 42). Общее число везиготов, переправившихся в 376 г. в дунайские провинции под руководством Алавива и Фритигерна, могло достигать одного миллиона [29, с. 24]. После гуннского натиска за Дунай переселялись и другие готские группировки: остроготы Алатея и Сафрака (Amm. Marc., XXXI.5.1), отряд Фарнобия (Amm. Marc., XXXI.4.12), в 381 г. – везиготская дружина Атанариха (Zosim., IV.34), в 386 г. – остроготы Одотея и др. (Zosim., IV.35). К тому же, по свидетельству Иордана, значительная часть остроготов вошла в состав Гуннской «державы» (так называемые «гуннские готы») [30, с. 194]. Даже если признать конкретные цифры в сообщениях античных авторов существенно завышенными, то и в этом случае они свидетельствуют о многочисленности подданных короля Эрманариха. Наоборот, на территории остального Европейского Барбарикума, начиная со II в. вплоть до конца эпохи Великого переселения народов наблюдается постепенное сокращение населения,

вызванное эпидемиями, миграциями, неблагоприятными переменами климата [24, с. 42; 31, S. 12–15].

Вопрос о специализации ремесла и отделении его от земледелия очень важен для социально-экономической характеристики любого общества, так как является объективным показателем уровня общественного разделения труда. По данным археологии, у населения черняховской культуры в качестве самостоятельных ремесел выделились гончарство, металлообработка и косторезное производство, а также, возможно, и стеклоделие.

Гончарство. Для черняховской культуры главным определяющим показателем выступает гончарная посуда ремесленного производства, исполненная в едином стиле с весьма устойчивым набором форм. Черняховское население пользовалось богатым набором посуды. Кроме хозяйственных видов он включал развитый ассортимент столовых форм, среди которых заметное место занимают сосуды для напитков [5, с. 59]. Лепная посуда была характерна в большей степени для верхнеднепровского региона и среднеднепровского пограничья с киевской культурой, где она чаще всего является показателем местного этнического субстрата. Но и здесь она встречается вместе с характерной сероглиняной круговой посудой черняховских типов. Исследователи предполагают, что процентное соотношение гончарной и лепной керамики на поселении в той или иной мере отображает степень вовлеченности данной общины во внутрирыночные отношения.

Следы гончарного производства в виде горнов открыты почти на 50 черняховских поселениях. Установлено, что они имеют кельтское и провинциально-римское происхождение, как, впрочем, и ряд ведущих типов черняховской посуды [3, с. 165–166; 32]. Черняховские горны – весьма совершенные, часто двухъярусные. По заключению специалистов, они свидетельствуют о развитии у населения ремесленного производства вида P_2 (со сбытом продукции на рынках не более одного дня пути) и даже P_3 (со сбытом продукции на рынках более одного дня пути) [33, с. 35]. На поселениях Леськи, Лепесовка, Журавка, Глеваха открыты настоящие гончарные мастерские, где мастер мог производить от 30 до 80 сосудов ежедневно. По подсчетам специалистов, он обеспечивал продукцией округу в радиусе нескольких десятков километров [3; 5, с. 97].

Многочисленные находки гончарных горнов являются важным археологическим показателем такого уровня разделения и производительности труда в черняховском обществе, который свойствен более ступени цивилизации, нежели варварства. Все исследователи признают, что производство черняховской гончарной керамики начинается без каких-либо переходных этапов сразу на высоком уровне, что мож-

но объяснить прямым участием в производственном процессе провинциальных мастеров-профессионалов [5, с. 61]. Важно, что на сероглиняных горшках из поселения Лепесовка имелись греческие граффити, нанесенные по глине еще до их обжига. Последние указывают на то, что гончарная посуда здесь могла изготавливаться грекоязычными мастерами – скорее всего, выходцами из балканских провинций [34, с. 29–31]. По общему мнению специалистов, технология гончарного производства, гончарный круг и типы горнов были восприняты черняховским населением от более развитых обществ римского пограничья. Отсюда пришли не только технологии и навыки, но и многие устойчивые формы керамики, прежде всего, кухонной [3, с. 117–129]. Вместе с тем черняховские мастера в некоторых типах кувшинов, кружек и ваз в гончарной технике развивали традиционные формы вельбарских и иных североευропейских образцов [3, с. 121–129; 5, с. 60]. Для местной знати изготавливались особые керамические сосуды (глиняные кубки – подражания стеклянным, сосуды-«сапоги» и др.), которые не имели аналогов в провинциальной или варварских культурах позднеримского времени. В результате по сравнению с предшествующими, синхронными и последующими восточноевропейскими культурами черняховский керамический комплекс заметно выделяется по богатству набора кухонной и особенно столовой посуды: горшки, зерновники-пифосы, корчаги, керамические ведра, миски, кувшины, кружки, кубки, а также сосуды редких форм. Помимо своих носители черняховской культуры довольно широко использовали привозные античные сосуды: амфоры различных средиземноморских и черноморских центров, краснолаковая «terra sigillata», античные светильники и пр.

В Готской Библии Вульфилы, записанной в IV в., имелись специальные термины для обозначения таких понятий, как гончар (*kasja*); лепить из глины (*digan*); глиняный сосуд (*kas*).

Металлургия и металлообработка. Уровень развития черняховского ремесленного производства во многом определяют археологические данные по металлургии и металлообработке [35, с. 11–18]. Следы местной черной металлургии найдены на большинстве черняховских поселений. Помимо них открыты остатки нескольких десятков железодельных горнов, в том числе довольно совершенные горны сыродутного типа и так называемые встроенные со шлаковывпуском. Последние характерны для среднеевропейской металлургии позднелатенского и римского времени [4, с. 377]. Внушительные масштабы черной металлургии указывают на товарный характер производства железа.

Археологам известны до 60 наименований изделий из железа и стали, куда входят орудия труда

сельского хозяйства и промыслов, ремесленные инструменты, оружие, снаряжение коня, предметы быта и домашняя утварь, принадлежности костюма и украшения. Следует обратить внимание на то, что этот ассортимент будет превзойден населением Восточноевропейской лесостепи лишь в древнерусское время. Специальные металлографические исследования показали, что черняховские мастера обладали высоким уровнем кузнечного искусства, при этом правители не упускали возможности иногда привлекать также иноземных кузнецов, изготовлявших продукцию на римском уровне [4, с. 94]. Они применяли приемы цементации и пакетирования железных изделий и их переработки в стальные [36, с. 156].

Исследователи довольно давно обратили внимание на то, что в готском языке IV в. имелась довольно развитая кузнечная терминология: кузнец (*aizasmīþa*); ковать (*gasmīþon*); топор (*aqizi*); железо (*eisarn*) [37, с. 57].

Ювелирное дело. Цветной металл население черняховской культуры использовало в основном для изготовления ювелирных изделий – украшений и деталей одежды, прежде всего многочисленных фибул. Установлено, что черняховский комплекс сплавов является продуктом взаимодействия двух больших зон металлообработки – прибалтийской и причерноморской [38, с. 63–66]. Возможно, это не просто указывает на главные направления торговых связей черняховской культуры, а отражает глубинные истоки их культуры (соответственно на прибалтийской прародине и в Причерноморье). В готском языке имелись понятия: медь (*aiz*); серебро (*silubr*); золото (*gulþ*); перстень (*figgragulþ*).

Косторезное производство стоит среди наиболее развитых ремесел в черняховском обществе. Едва ли не главной его отраслью было производство наборных гребней, составленных из нескольких подогнанных друг к другу пластинок из рога благородного оленя или кости. Такие гребни были характерным предметом личного обихода в германском мире, и по этому показателю черняховская культура в этот мир вписывается [3, с. 173–175]. Выделению их производства в отдельную ремесленную отрасль способствовали как массовый спрос на эти изделия (их находки исчисляются сотнями), так и сложность изготовления. Крупным ремесленным центром по производству гребней в Среднем Поднепровье было поселение Великая Снитинка. Здесь исследованы пять ремесленных косторезных мастерских, в которых найдены 550 изделий из оленьего рога [39, с. 94–116]. Эти мастерские работали не позднее середины IV в. Напомним, что в почти обязательных находках гребней в могилах М. Б. Щукин видел не только показатель высокого профессионализма косторезов, но и

определенное свидетельство «цивизованности» всего черняховского населения.

Стеклоделие. Черняховцы не только широко пользовались привозными стеклянными изделиями, но, скорее всего, знали стеклоделие. В ареале черняховской культуры остатки стеклодельной мастерской открыты у с. Комаров в Верхнем Поднестровье [40, с. 67–80]. Здесь производилось стекло, аналогичное римскому. А вот следов производства стеклянных изделий, довольно часто встречающихся в погребениях, пока неизвестно. М. Б. Шукин допускает, что в то время стеклоделием занимались бродячие артели мастеров, переходившие от одного поселка к другому. Следы работы со стеклом выявлены лишь в одной из хозяйственных построек Лепесовки [3, с. 180–181].

В готском языке имелся специальный термин для обозначения таких понятий, как стекло/бокал/чаша (*stikls*).

Камнерезное дело. В последнее время стало известно еще одно занятие черняховского населения, достигшее уровня товарного ремесленного производства. Это изготовление каменных жерновов из редкой породы – вулканического туфа, центр которого открыт у с. Лугового Винницкой области [41, с. 30–34]. Скорее всего, их массовое производство было налажено благодаря участию мастеров – выходцев из римских провинций. Отсюда они расходились по всей территории черняховской культуры, а некоторые попали на поселения киевской культуры.

Прядение и ткачество. В отличие от перечисленных выше ремесел прядение и ткачество не вышли у носителей черняховской культуры за уровень домашнего производства. Это были традиционные занятия женщин независимо от их социального положения. В женских погребениях находят детали веретен – пряслица и крюковидные булавки. Пряслице из богатого погребения 36 Лецкан имеет готскую руническую надпись с именем хозяйки [42, с. 231]. Ткани изготавливались из льна, конопли и шерсти [4, с. 104–105; 43, с. 12–14]. В позднеримское время появляется более совершенный вертикальный ткацкий станок, свидетельством чего служат находки скоплений глиняных грузил на месте станка.

В готском языке имелись специальные термины: прясть (*spinnan*); шерсть (*wulla*); валяльщик шерсти (*wullareis*); шить (*siujan*); полотно (*lein*); одежда/платье (*snaga*); нательная рубаша (*paida*); кожаные башмаки/обувь (*gaskohi*) и др. [37, с. 57].

На развитие черняховского ремесла позитивно повлияли постоянное общение остроготов и везиготов с населением античных городов Северного Причерноморья и Римской империи, а также захват ими большого числа пленных мастеров из римских провинций [37, с. 58]. В этом смысле во многом справедливым остается мнение П. Н. Третьякова о том, что

черняховская культура «являлась продуктом ремесла и торговли» [44, с. 177].

У современных исследователей нет сомнения, что единообразие массовых ремесленных изделий черняховского типа являлось результатом цельной экономической системы, которая формировалась на основе общего внутреннего рынка. Такой рынок может сложиться только при регулярном общении населения внутри некоей устойчивой общности [44, с. 17]. Мастера-ремесленники работали, как правило, на заказ в пределах общины, получая за свой труд продукты сельского хозяйства. Однако обнаружение крупных специализированных мастерских – кузнечных, ювелирных, гончарных, косторезных – свидетельствует о наличии товарного производства, т. е. изготовлении продукции на рынок. Поэтому есть все основания говорить о том, что черняховское общество достигло стадии второго общественного разделения труда, когда ремесло отделялось от сельского хозяйства [25, с. 204–220].

В середине IV в. торговля готов с позднеантичным миром достигает своего наивысшего развития. Ее надежно подтверждают находки римских и боспорских монет, античной амфорной и краснолаковой керамики, изделий из стекла и металла, другие импорты, которые встречаются едва ли не на каждом черняховском памятнике. Из письменных источников о торговле готов с римлянами на Дунае известно, что варвары получали из империи вино, соль, оливковое масло, оружие, одежду, украшения [45, с. 253]. Они продавали римлянам главным образом рабов, а также скот, кожи, продукты лесных промыслов [46, с. 113–114]. По данным археологии, развитие черняховского общества достигло той стадии, которая уже требовала всеобщего торгового эквивалента. Судя по массовым находкам, таковым служили прежде всего римские монеты [47].

Таким образом, население, объединенное в составе Остроготского королевства Эрманариха, в экономическом отношении существенно отличалось от соседних варварских народов. Его экономический базис составляло пашенное земледелие, обеспечившее благосостояние общества и демографический взрыв IV в. Наличие многочисленных специализированных мастерских свидетельствует о зарождении товарного производства и достижении такой ступени общественного разделения труда, которая свойственна не варварству, а цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина. – Волгоград, 2006.
2. Зиньковская И. В. Королевство Эрманариха : источники и историография / И. В. Зиньковская. – Воронеж, 2010.

3. *Щукин М. Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005.
4. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / отв. ред. В. Д. Баран. – Киев, 1990.
5. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов // *Monumenta Studia Gothica*. – Lublin, 2001. – Т. 1.
6. *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры / Ю. А. Краснов // *КСИА*. – 1971. – № 128.
7. *Брайчевський М. Ю.* Изображення коня з с. Черепина в Средньому Пороссі / М. Ю. Брайчевський // *Археологія*. – 1961. – Т. 12.
8. *Lange E.* Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. Ergebnisse zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit / E. Lange // *Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. – Berlin, 1971. – Bd. 27.
9. *Любичев М. В.* Земледелие жителей поселения Войтенки-1 / М. В. Любичев, С. А. Горбаненко // *Stratum plus : Европейская Сарматия и Херсонес*. – 2011. – № 4.
10. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э. А. Рикман. – М., 1975.
11. *Минасян Р. С.* Классификация ручного жернового постава : по материалам Восточной Европы I тыс. н.э. / Р. С. Минасян // *СА*. – 1978. – № 2.
12. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. / Г. Б. Федоров // *МИА*. – 1960. – № 89.
13. *Винокур И. С.* Опыт реконструкции мельничного сооружения III–IV вв. н. э. / И. С. Винокур // *СА*. – 1970. – № 2.
14. *Кропоткин В. В.* К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в II–IV вв. / В. В. Кропоткин // *Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма*. – М., 1970.
15. *Häusler A.* Zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in der Černjachov-Kulture / A. Häusler // *ZfA*. – 1979. – № 3.
16. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
17. *Корсунский А. Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М., 1984.
18. *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen / S. Feist. – Leiden, 1939.
19. *Корсунский А. Р.* Готская Испания (очерки социально-экономической и политической истории) / А. Р. Корсунский. – М., 1969.
20. *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе / В. И. Цалкин // *МИА*. – 1962. – № 107.
21. *Журавлев О. П.* Животноводство и охота поселений Сокол и Лука-Каветчинская на Среднем Днестре / О. П. Журавлев // *Stratum plus : между певкинами и феннами*. – 2003–2004. – № 4.
22. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры / Е. В. Максимов. – Киев, 1972.
23. *Die Germanen. Bd. II : Die Stämme und Stammesverbände in der Zeit vom 3. Jahrhundert bis zur Herausbildung der politischen Vorherrschaft der Franken*. – Berlin, 1986.
24. *Гуревич А. Я.* Древние германцы / А. Я. Гуревич // *Избранные труды : в 4 т.* – М., 1999. – Т. 1.
25. *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності : соціально-економічний розвиток черняхівських племен / М. Ю. Брайчевський. – Київ, 1964.
26. *Винокур И. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II – V ст. н.е. / И. С. Винокур. – Київ, 1972.
27. *Довженко В. Й.* Землеробство древньої Русі / В. Й. Довженко. – Київ, 1961.
28. *Брайчевський М. Ю.* Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевський. – Киев, 1989.
29. *Сиротенко В. Т.* История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. / В. Т. Сиротенко. – Пермь, 1975.
30. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века : опыт исторической этнографии / Х. Вольфрам. – СПб., 2003.
31. *Abel W.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert / W. Abel. – Stuttgart, 1967.
32. *Бобринский А. А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы : по материалам II–V вв. н.э. / А. А. Бобринский. – М., 1991.
33. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы : источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М., 1978.
34. *Тиханова М. А.* К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры / М. А. Тиханова // *Античные города Северного Причерноморья и варварский мир : тез. докл. науч. конф.* – Л., 1973.
35. *Тиханова М. А.* К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре / М. А. Тиханова // *КСИА*. – 1974. – Вып. 140.
36. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР) / отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. – М., 1993.
37. *Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов / А. Р. Корсунский // *ВДИ*. – 1965. – № 3.
38. *Черных Е. А.* Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры / Е. А. Черных, Т. Б. Барцева // *КСИА*. – 1972. – № 121.
39. *Магомедов Б. В.* Велика Снітинка 2 – поселення гребінників III–IV ст. н. е. / Б. В. Магомедов // *Стародавнє виробництво на території України*. – Київ, 1992.

40. Смішко М. Ю. Поселення III–IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів в Чернівецької обл. / М. Ю. Смішко // МДАПВ. – 1964. – Вип. 5.

41. Хавлюк П. І. Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя / П. І. Хавлюк // Археологія. – 1980. – № 18.

42. Bloşiu C. Necropola din secolul al IV–lea e. n. de la Ietsani / C. Bloşiu // Arheologia Moldovei. – 1975. – № 8.

43. Рикман Э. А. Прядение и ткачество у племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья / Э. А. Рикман // КСИА. – 1971. – Вып. 128.

44. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности / П. Н. Третьяков. – Л., 1970.

45. Велков В. Сведения на Темистий за Тракия / В. Велков // Българска Академия на науките. Изв. на археолог. инст. – 1955. – Кн. XIX.

46. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. / В. В. Кропоткин. – М., 1967.

47. Зиньковская И. В. К вопросу о торговле и денежном обращении в Остроготском королевстве Эрманариха / И. В. Зиньковская // Вестн. ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории
КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ZfA – Zeitschrift für Archeologie

Воронежский государственный университет

Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: zinkovi@yandex. ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Middle Ages and Foreign Slavic Studies Department

E-mail: zinkovi@yandex. ru

Tel.: 8(473) 224-75-14